

1

Министерство образования и науки Российской Федерации
Адыгейский государственный университет
Российское философское общество

Эмилия
ШЕУДЖЕН

АДЫГИ (ЧЕРКЕСЫ)
В ПРОСТРАНСТВЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ

Москва–Майкоп
2010

УДК 94 (470.621)
ББК 63.3 (2Рос.Ады)
Ш 52

Издание осуществлено при поддержке
Министерства образования и науки РФ
(фундаментальное исследование 1.1.03). Проект
«Историческая память народов Северного Кавказа»

Шеуджен Э.А.

Ш 52 Адыги (черкесы) в пространстве исторической
памяти. – Москва–Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. –
280 с.
ISBN 978-5-85108-225-2

Эмилия Аюбовна Шеуджен в своей книге предлагает оригинальный взгляд на историю адыгов (черкесов), преломленный через призму дефиниции «историческая память», предпринимает попытку системного исследования состояния исторической памяти как коллективного опыта, сложившегося в процессе исторического развития адыгов и сохранившего значение для ныне живущих поколений. Издание данной работы способно изменить традиционные маршруты развития исторического знания о народах Северного Кавказа.

© Адыгейский государственный университет, 2010
© Российское философское общество, 2010
© Э.А. Шеуджен, 2010

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Adyghe State University

Russian Philosophical Society

Emiliya

SHEUDJEN

ADYGHES
(CIRCASSIANS)
IN SPACE OF
HISTORICAL MEMORY

Moscow–Maikop
2010

The edition is carried out with support
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation (basic research 1.1.03). Project “Historical
memory of the people of the North Caucasus”

Sheudjen E.A.

Adyghes (Circassians) in space of historical memory. –
Maikop: AGU Publishing House, 2010. – 280 p.
ISBN 978-5-85108-225-2

In the book, Emiliya Ayubovna Sheudjen proposes an original view on history of Adyghes (Circassians), refracted through the prism of the definition “historical memory”. The author undertakes an attempt to carry out a system investigation of a condition of historical memory as the collective experience which has been formed in the course of historical development of Adyghes and retained the significance for recent generations. This publication can change traditional ways of development of historical knowledge of the people of the North Caucasus.

© Adyghe State University, 2010
© Russian Philosophical Society, 2010
© E.A. Sheudjen, 2010

ВВЕДЕНИЕ

История, в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности, скрижаль откровений и правил, завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Н.Карамзин

наши дни среди многочисленных проблем волнующих народы, особую значимость приобретает состояние общественного сознания, в структуре которого центральное место занимает историческая память. Являясь основой, определяющей уровень коллективного и индивидуального сознания, именно память, обуславливает отношение людей к исторической действительности (объективному миру) как на теоретическом уровне, так и уровне обыденного сознания.

В последние десятилетия проблемы исторической памяти приобретают все большую актуальность: созданы оригинальные исследования, как общего, так и специального характера, ставшие серьезным импульсом для интенсивного развития знаний по данной проблеме.

Сегодня спектр исследований очень широк. Изучая проблему по различным направлениям, выделяя все новые аспекты ее познания, исследователям удалось расширить теоретические представления об этом феномене общественного сознания: структуре, функциях, основных тенденциях развития, эволюции. Об-

щими усилиями философов, историков, социологов, психологов создается основа для выхода на более высокий уровень осмысления многих базовых вопросов¹.

В определяющей степени интерес к этой теме обусловлен влиянием концептуальных построений «новой истории», их постмодернистской критикой, позволяющей перенести исследовательский интерес в область изучения «воспоминаний» о прошлом. Применение термина «память» получило столь широкое распространение, что нередко заменяет термин «история», что свидетельствует о принципиально значимом «сдвиге», произошедшем в природе исторического сознания².

В новой историографической ситуации на основе сложившихся теоретических подходов и имеющегося опыта мнемонических интерпретаций в исторических исследованиях создается реальная возможность для осмысления структуры исторической памяти адыгов (черкесов) как этнической общности.

Учитывая, что это первая попытка рассмотрения проблемы в избранном ракурсе, немаловажно представить смысл и границы применяемого в работе категориального аппарата. Для проникновения в суть проблемы важно определиться с пониманием дефиниции «историческая память». В наиболее обобщенном виде историческая память представляет определенным образом сфокусированное отношение в обществе к историческим событиям, потребность и способность хранить информацию о прошлом. По сути, она отражает уровень организации сохранения и воспроизведения прошлого опыта народа для его многократного введения в сферу общественного сознания и поведения.

---

¹ Решина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М., 2005. С.122–169.

² Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С.24.

Историческая память, по мнению одного из «отцов – основателей» этого научного направления Мориса Хальбвакса, высказанного еще в 1925 году, представляет «постепенное свыкание» с непривычным, с пугающим чуждостью историческим прошлым³. «Находя опору в рассказе о предках, – отмечал и выдающийся французский философ Поль Рикер, – связь поколений прививается к огромному генеалогическому древу, корни которого уходят далеко в глубины истории»⁴. Через память о предках передается «смутный шум – как бы волнение истории»⁵.

Сразу имеет смысл подчеркнуть, что эта дефиниция по-разному интерпретируется современными авторами. Историческая память трактуется как индивидуальная память о прошлом, как коллективная память о прошлом, как социальная память о прошлом и даже как синоним исторического сознания. В специальных исследованиях можно встретить и такие близкие понятия, как «культурно-историческая память», «социально-историческая память», «коллективная память поколений»⁶.

Подобное состояние «рыхлости» понятийных оснований не является чем-то необычным. Как правило, это явление проявляется на начальных стадиях разработки новых исследовательских направлений, когда еще не сложились достаточно четкие представления о предмете и проблемных границах изучаемого объекта, что неизбежно проявляется в динамичном состоянии введенных в научный оборот понятий.

---

³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

⁴ Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 548.

⁵ Там же. С.548.

⁶ Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М., 1986; Февр Л. Бои за историю. М., 1991; Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997; Франция – память / П. Нора, М. Озуф и др. СПб., 1999; Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003; Время – история – память: историческое сознание в пространстве культуры / Под ред. Л.П.Репиной. М., 2007 и др.

Понятие «историческая память», примененное к истории адыгов, ориентировано на его интерпретацию как способа *накопления, сохранения, трансляции и усвоения прошлого, как коллективная память о социальном прошлом, на основе которой формируется национальное сознание, историческая общность людей, объединенных языком, традициями, территорией, историей, экономикой.*

В этом смысле проблема памяти является проблемой социальной, более того, коллективной⁷, сложной сетью общественных нравов, ценностей и идеалов, отмечающих границы воображения в соответствии с позициями конкретной социальной группы, в данном случае – этнического образования. Зафиксированные коллективной памятью образы событий, мифы, стереотипы, символы позволяют этническим группам создавать интерпретационные модели прошлого. При этом нельзя не заметить что в понятии «коллективная память» есть определенная метафоричность, «продуктивный смысл которой всегда можно оспорить»⁸.

Особого внимания заслуживает вопрос соотношения исторической памяти и исторического сознания. Отмечая сложный характер категории «историческое сознание», известный отечественный историк Михаил Абрамович Барг утверждал, что в плане теоретическом историческое сознание закрепляет пространственно-временную ориентацию общества и тем самым «содействует его самопознанию». В плане же «прикладном», историографическом, – определяет не только способ фиксации исторической памяти (миф, хроника, история), но и «отбор, объем и содержание достопамятного», то есть выступает по отношению к историографии «в качестве области нормативной и рефлексивной»⁹.

---

⁷ Хаттон П. Указ соч. С.202

⁸ Анкерсмит Ф. Указ. соч. С.24.

⁹ Барг М.А. Эпохи и идеи. М., 1987. С.6.

Позволю себе добавить – сами по себе накопленные в памяти образы прошлого фрагментарны и условны, они не обладают целостным значением, пока не проецируются в конкретные обстоятельства, выражая сегодняшние представления о том, на что было похоже прошлое. По мере развития происходит постепенное преодоление разрыва между «живой» памятью и историей, процесс длится до тех пор, пока память не станет исторической. Причем этот разрыв реконструируется в ситуации ретроспекции, то есть тогда, когда появляется возможность связывать события прошлой жизни с сегодняшней действительностью. Именно благодаря памяти подобного рода сохранились свидетельства адыгской истории. Переход к исторической памяти у адыгов осуществлялся на протяжении веков благодаря развитой устной традиции памяти о предках и развитым социальным связям родственников. Воспоминания всегда оказывались актом восстановления и способом памяти, зависящим от социального контекста.

Человек обладает способностью, а главное, потребностью вспоминать прошлое. При этом нельзя не учитывать, что память как индивидуальная, так и коллективная обогащается историческим прошлым, то есть в конечном смысле речь может идти об интегральной памяти, объединяющей индивидуальную, коллективную и историческую память. Причем важно учитывать, что в каждом объекте исследования (отдельные этнические и социальные группы и даже личности) весьма причудливо сочетаются научные и повседневные (бытовые) представления, касающиеся истории в целом, истории конкретной страны или народа.

Осознание этих дефиниций непосредственно связано с пониманием социальной функции памяти, ее значимости в жизни общества как своеобразного «перекрестка» прошлого, настоящего и будущего. Неслучайно заключительную главу своей книги известный

английский историк Патрик Хаттон назвал «История на перекрестках памяти»¹⁰.

При обращении к адыгской истории, использование метафоры «перекрестка» позволяет, более образно представить характер пересечения традиционных представлений, привнесенного извне знания, свидетельств, закрепленных в современной историографии. Именно через взаимосвязь этих образов формируются границы исторической памяти. При этом мнемонические места представляют собой не хранилище индивидуальных образов, ожидающих своего обнаружения, а точки конвергенции, где индивидуальные и коллективные воспоминания приобретают конфигурацию социально значимой памяти.

Именно эти подходы позволяют осмыслить характерные тенденции развития исторической памяти адыгов: значение традиции как основы «влечения» к прошлому, воздействие на представления о прошлом изменяющихся технологий коммуникации (устной традиции, письменности, печатной культуры, средств массовой информации), взаимосвязь коллективной памяти и процессов общественного развития, роль политической риторики в репрезентации прошлого. Появляется возможность выяснить, каким образом и, главное, почему, конкретные события фиксировались, закреплялись, модифицировались и даже фальсифицировались, непосредственно влияя на уровень коллективного исторического сознания.

При рассмотрении состояния исторической памяти адыгов оказалось важным наметить контуры пространства памяти: образы исторического прошлого, сохранившиеся на уровне устной традиции; фрагменты, вошедшие в историческую память других народов, обладавших письменностью; обращение к истории как осознанному способу сохранения национальной идентификации; деформация исторической памяти

---

¹⁰ Хаттон П. Указ.соч. С. 368 – 397.

ти, связанная с экстремальными событиями и, наконец, процесс осмысления и конструирования исторической памяти.

Сегодня крайне важно выявить тенденции развития исторической памяти. К ним с полным основанием можно отнести: ослабление внимания общества к проблемам сохранения и развития исторической памяти, отсутствие адекватных научных оценок исторического прошлого, искусственное «конструирование» исторической памяти в зависимости от сиюминутных этнополитических интересов отдельных групп населения.

Предлагая вниманию читателей данную работу, хотелось бы выразить надежду на то, что она будет полезна не только интересующимся историей адыгов, но и тем, кто пытается осмыслить проблемы исторической памяти. Невозможно было приступить к реализации проекта, не испытывая желания разобраться в сути проблемы. При этом в полной мере осознавалось, что научный потенциал данной проблемы гораздо шире, учитывая, что существует огромное разнообразие в интерпретации, как адыгской истории, так и проблем исторической памяти. Именно поэтому есть надежда, что данная публикация может стать началом дальнейшей работы в этом направлении.